

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА

О ФОРМИРОВАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА О РУССКО-ИНОНАЦИОНАЛЬНОМ ИНОНАЦИОНАЛЬНО-РУССКОМ БИЛИНГВИЗМЕ

У.М. БАХТИКИРЕЕВА

РУДН г. Москва

Б.М. ЕСАДЖАНЯН

АГПУ им. Х.Абовяна

Л.Г. БАЛАСАНЯН

АГПУ им. Х.Абовяна

В настоящей статье сделана попытка отразить некоторые аспекты изучения билингвизма, сформированного посредством длительного взаимодействия носителей национальных языков с русским, а также размышления авторов о необходимости выработки системного подхода в осмыслении уникального явления, каким является указанный тип билингвизма.

Билингвизм, сформированный посредством контактов многих национальных языков с языком русским, имеет свою длительную историю, о которой на современном постсоветском пространстве пока не создано отдельного монографического исследования, как не существует и отдельного научного журнала, который мог бы освещать вопросы би- и мультилингвизма. История и современное состояние требуют усилий многих ученых из всех постсоветских стран и, судя по многочисленным статьям исследователей из этих регионов, постсоветского научного дискурса, связанного с таким явлением, как

инонационально-русский и русско-инонациональный билингвизм, создающийся в разных локалах на евразийской территории.

В ряде своих исследований известный российский ученый М.В. Тлостанова рассматривает пересечения и различия между *постколониальной теорией* и *постсоциалистическим дискурсом*, который пока лишь начинает формироваться в отдельную область со своей методологией, терминами и понятиями. Остановившись на причинах отсутствия такой теории как за рубежом, так и в России, автор предлагает интерпретировать постсоциалисти-

ческий дискурс посредством категорий глобальной колониальности и имперского различия, характерного для России, и приходит к выводу, что постсоциалистический субъект является тем агентом, который только и способен в определенных условиях создать отдельный критический дискурс для осмысления собственной ситуации и возможных сценариев будущего¹.

Как представляется, тезис М.В. Глостановой актуален и в отношении уникального явления, возникшего на основе взаимодействия разных языков с русским.

На территории Российской империи, позже советского государства в течение нескольких веков осуществлялись языковые и культурные контакты, возникали особые языковые и культурные (гибридные) модели, структуры, рождались удивительные эстетические и социо- и лингво-культурные феномены, удивительные

коммуникативные кодовые переключения, которые имеют принципиальные отличия от таких регионов как Центральная и Южная Америка, Карибы и страны Магриба - бывших колоний, в которых этнические языки и «язык колонизатора» образовали свои особые типы билингвизма (в зависимости от «языка колонизатора», например: франко-тунисский и др. типы билингвизма).

Не умаляя достижений науки о языке советского периода, освещавшей разные аспекты исследуемого нами типа билингвизма, представляется важным продолжать развенчивание некоторых мифов советской социолингвистики, локально существующих в разных социумах на постсоветской территории. С нашей точки зрения, работы известных ученых (А.Д. Дуличенко, Э.Д. Сулейменова, Г. Дырхеева, Б.М. Есаджанян и др.) и молодого поколения ученых (И.С. Хугаев, Е.Н. Кремер, Л.П. Дианова, С.А. Гринберг и др.) способствуют созданию постсоветского критического дискурса для осмысления постсоветской дву- и би- и мульти-лингвокультурной ситуации.

Один из главных выводов, к которому приходят филологи в

¹ См. например: *Глостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М., 2004; *Глостанова М.В.* «Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания» // *Личность. Культура. Общество.* 2008. № 4. 2009. № 1.

своих трудах, можно сформулировать следующим образом: *указанному территориальному пространству характерны асимметричные взаимодействия национальных языков и культур с русским языком и культурой*. Так, профессор Тартуского университета А.Д. Дуличенко особо отмечает, что в СССР русский язык по объективным причинам стал языком межнационального общения. Одновременно он был государственным языком, даже несмотря на то, что «признать за ним статус государственного языка боялись, так как в публицистических работах В.И. Ленина дореволюционного периода понятие государственный язык окутывалось только негативными коннотациями. <...>. Достоин сожаления, что в советское время ни руководство страны, ни социолингвисты глубоко не входили в языковые отношения и проблемы многоязычного государства, - скорее наоборот, они почти не опускались с директивно-пропагандистского уровня» [Дуличенко 2009: 30].

Указывая на главный недостаток советской социолингвистики, постоянно повторявшей клише «об окончательном ре-

шении этноязыковых проблем в СССР», ученый считает, что такая позиция обусловила в значительной степени закрытие перспективы для других языков. Она «не только не решила назревшие проблемы языковой жизни СССР, но и разрушила саму страну, принесла этим неисчислимые страдания миллионам людей» [Дуличенко 2009: 30-31].

Известный лингвист Э.Д. Сулейменова в ряде своих работ (2010, 2011) пишет о широко использовавшихся в советский период шести тезисах:

1. **Тезис о равноправии всех наций и языков**, носящий сугубо идеологический характер;

2. **Марксистский тезис о «расцвете и сближении наций»** (прозвучавший в Программе КПСС, 1961);

3. **Тезис о русском как «втором родном» языке, или тезис о «двух родных» языках**, напрямую связанный с марксистским тезисом;

4. **Тезис о наличии и необходимости дальнейшего увеличения общего лексического фонда языков народов СССР** посредством русского языка, который практически стал единственным проводником интерна-

циональной лексики (Содержание данного тезиса гораздо шире, если вспомнить метод «шапирографии», смысл которого заключался в механическом перенесении некоторых явлений русской грамматики на грамматику другого языка);

5. Тезис о разделении функций между русским и национальными языками (несмотря на то, что объявление равноправности языков не предписывает автоматически одинаковый объем общественных функций);

6. Тезис о гармоничном и паритетном двуязычии, основанном на взаимодействии национальных и русского языков.

Достаточно большое количество статей, доступных нам, свидетельствует о несбалансированном, неравновесном билингвизме на постсоветской территории и конфликте между языковой и этническими идентичностями постсоветских субъектов. Исследования лингвистов ряда стран (Алпатов 2010, Боргоякова 2010, Горячева 2010, Гринберг 2011, Гусейнов и Мугумова 2010, Дианова 2011, Дырхеева 2002, Ерофеева 2010, Есаджанян 1990, Кремер 2010, Маслова и

Муратова 2010, Фатхутдинова 2010 и др.) показывают, что существующие в большинстве постсоветских регионов виды билингвизма — неравновесные, а диглоссно-билингвальные в пользу русского языка.

Очевидно, другого варианта и не могло быть в едином социуме, объединенном на основе единого языка межнационального общения. Такой процесс характерен для всех существовавших империй (например, Римская империя, Британская империя, империя — Арабский халифат и др.). В качестве определенной закономерности можно рассматривать неравновесное состояние языков в едином социуме, в частности — империи. И здесь нам бы хотелось особо подчеркнуть вывод, к которому мы пришли в ходе своих размышлений: *тот этнос (народ), который не смог в определенный период своей истории самостоятельно отстаивать свою независимость обречен на дву- и многоязычие. Отсюда вытекает другой важный вывод о несостоятельности ярлыков, навешанных в начале 90-х годов XX века на русский язык, в том числе таких, как «язык колонизаторов», «язык оккупантов».*

Ряд ученых, в частности, В.А. Аврорин относит к основным функциям языка функцию общения (коммуникативная), функцию выражения мысли (экспрессивная) и аккумулятивную, то есть функцию накопления общественного опыта (1975). В условиях языкового контактирования ограничение социальной нагрузки языка может иметь своим следствием и уменьшение числа компонентов системы функций, то есть изменение социально-функциональной значимости языка в количественном отношении, может послужить критерием неравнозначности взаимодействующих языков в качественном отношении. *При взаимодействии универсальных (русского) и монофункциональных языковых (национальных языков) образований имело место перераспределение функций в связи с различным обслуживанием сфер общественной жизни.* Так, язык конкретного этноса (этнической группы) может частично не выполнять роли аккумулятивной функции. Как известно, данная функция языка заключается в накоплении тем или иным народом общественного опыта в приобретении соответствующих

знаний. Если такие сферы использования языка, как сферы хозяйственной деятельности, общественно-политической, организованного обучения, художественной литературы, СМИ, обслуживает русский язык, то функция аккумуляции опыта и знаний у билингвов принадлежит данному языку, значит, ослабевает аккумулярующая функция автохтонного языка. Билингвы, у которых основным стал русский язык (как основное средство общения), в большинстве случаев выражают мысли на русском. При этом формирование мысли осуществляется, как правило, также на русском, отсюда следует ослабление роли конструктивной функции этнического языка. Нарушение конструктивной и экспрессивной функций является следствием ослабления самого основного компонента всей системы функций, то есть является следствием ослабления языка как элемента этноса и может привести к смене языка. Следовательно, функциональная нагрузка и целостность языковой системы находятся в непосредственной зависимости от социальной нагрузки.

Безусловно, в разных постсоветских странах билингвизм,

основанный на взаимодействии русского и многих других национальных языков, имеет свои отличительные характеристики и свойства. Например, для современной Армении характерен армянско-русский билингвизм в пользу армянского языка, что обусловлено прямой зависимостью между количеством социальных функций армянского языка и интенсивностью его применения в наиболее важных сферах жизни армянского общества: образовании, науке, СМИ, производстве, административной деятельности, промышленности, социально-политической сфере, религии [Есаджян 1990].

Кроме того, в ряд факторов, определяющих витальность (жизнеспособность) языка, лингвисты относят обладание языковым коллективом его исконных носителей [Белл 1980]; этническое самосознание и ценностные ориентации носителей языка [Михальченко 1992: 39-43]; национальную культуру (традиционные промыслы, национальное искусство, театры и пр.) и особенно наличие различных видов литературы: художественной, философской, религиозной, учебной и пр. [Солнцев,

Михальченко 2000]; численность этнической группы и говорящих на языке этой группы, возрастные группы носителей языка, этнический характер браков, воспитание детей дошкольного возраста, количество говорящих среди младшего поколения носителей языка, место проживания этноса, социально-общественную форму существования этноса, национальное самосознание, преподавание языка в школе, государственную языковую политику и др. [Кибрик 2001: 6-71]. В этом же ряду оказываются такие важные показатели витальности языка, как количество билингвов в социуме в целом, типы и характер двуязычия, наличие билингвальной диглоссии, степень кодифицированности языка, существование действенных программ поддержки языка и контактирующих языков, социальной инфраструктуры и т.п., которые напрямую связаны с явлением исследуемого нами типа билингвизма. В этом контексте лингвокультурная ситуация в Армении может рассматриваться как благоприятная для дальнейшего развития государственного языка этой страны [Есаджян 2002].

Если для армянского социума свойственен армяно-русский билингвизм с доминированием армянского языка, то для российского, казахстанского, украинского социумов присущи два вида билингвизма: русско-инонациональный (с доминирующей позицией русского) и инонационально-русский (с доминированием национального языка). Оба эти вида могут быть осложнены диглоссией внутри одного, или обоих языков.

Как известно, в условиях билингвизма советского периода часты были случаи, когда доминирующим по репертуару функций и сферам применения у индивида был русский, а не этнический язык, функционирующий пассивно. В этот период сложились условия для сдвига отношений между двумя языками.

В схеме национально-русского двуязычия не учитывалось то, что билингв может владеть не одной, а несколькими формами родного языка, а сама ситуация билингвизма может существенно осложняться наличием диглоссии (например, владением диалектной и литературной формой родного языка), или даже полиглоссией (владением диалектом, сту-

денческим или молодежным жаргоном и литературным языком).

Такие пропорции в функционировании языков доказывают, что билингвизм, основанный на взаимодействии разных национальных (и государственных) языков с русским, имеет свои отличительные характеристики в разных социумах, но ареальной типологической особенностью продолжает оставаться инонационально-русское межъязыковое взаимодействие.

В.М. Алпатов отмечает, что «в начале 90-х гг. считали, что английский язык скоро вытеснит русский за пределами РФ и потеснит его внутри России. Однако этого до конца не произошло даже в Прибалтике. Тем более английский язык не приобрел новых функций в России, хотя его роль постепенно растет» [2010: 5]. Иными словами, национально-английского билингвизма на постсоветской территории реально не существует.

Согласно исследованиям Е.Н. Кремер, Л.П. Диановой, С.А. Гринберг, языком-посредником межэтнических контактов - лингва-франка - в советском государстве закономерно стал русский язык, обусловивший сдвиг отно-

шений между русским и другими национальными языками. Изменение лингвокультурной ситуации в конце 90-х гг. оказало влияние на современное состояние языковой ситуации в указанном ареале, в частности на унификацию терминологии, устранение русизмов в государственных языках. По их мнению, важнейшие структурные черты русского и других национальных языков сохранились. Появление интеркультурем и вариантов русского языка за пределами российского ареала не оказывает существенного влияния на диахроническую трансформацию его информационного кода. Русский язык в современных условиях межъязыкового взаимодействия остается одной из форм выражения иной культуры (как латинский, английский, испанский), т.е. выступает в качестве языка-макропосредника.

Вместе с тем полагаем, что преимущественно русско-инонациональный билингвизм (с доминирующим русским языком в языковом сознании билингвов) вплоть до распада единой культурно-исторической общности – советского государства – способствовал изменению языкового

сознания и повлиял на диахроническую ось других языков (например, казахский, киргизский). Поэтому нельзя не согласиться с позицией А.К. Шапошникова, отмечающего, что русский язык использовался как мощное формообразующее средство в политической сфере общественного сознания, национальных форм правового общественного сознания, национального научного сознания; вхождение через него в другие языки терминов и понятий мировой политической теории и научной терминологии всех областей научного знания; возрастание роли русского языка в национальных формах религиозного сознания (употребление русского языка как средства полемики не только с христианством в целом, но и с исламом, иудаизмом, активизация употребления русского языка в деле формирования новых, альтернативных религиозных форм общественного сознания в национальных сообществах СНГ); в сфере эстетической формы общественного сознания; национальных форм этического сознания, философской формы общественного сознания при доминирующей роли русского языка. «Совершенно очевидно продол-

жается использование русского языка как мощного формообразующего средства в политической сфере общественного сознания, многие даже самые современные термины и понятия мировой политической теории и практики входят в национальные языки из русского языка или посредством русского языка (уже фонетически, морфологически и семантически адаптировано). <...> О роли русского языка в сфере национального сознания научного сознания говорилось и писалось много. Русский язык остается одним из основных языков мировой науки. <...> Львиная доля научной терминологии всех областей научного знания входила и продолжает входить в языки стран СНГ из русского языка науки» [Шапошников 2009: 158-159].

Среди подобных слов достаточно много образований, сходных по звучанию и форме, но различных по значению (многие слова русского вокабуляра на *изм*; *-ист*; *(а)ция*, *-изация*; *-ика*, *-астика*, *-истика*), которые были заимствованы из русского языка и адаптированы в национальных языках бывшего Союза.

Показательным является тот факт, что в разносистемных

языках, какими являются русский и казахский, к примеру, внутриязыковые паронимы на базе прилагательных образуются по сходной словообразовательной модели, ср.: прилагательные *имперский*, *империялық*; *интернациональный*, *интернационалдық*; *гуманистический*, *гуманистік*; *реалистический*, *реалистік*; *символический*, *символдық*; *максимальный*, *максималдық* образованы непосредственно от исходных основ *индукция-*, *индукция*; *индустрия-*, *индустрия*; *интернационал-*, *интернационал*; *гуманист-*, *гуманист*; *реалист-*, *реалист*; *символ-*, *символ* и *мн.др.* Существительные: *гуманист*, *интервью*, *инфляция*, *император*, *иммиграция*, *максимализм*, *максимум*, *механизация*, *механизм*, *механик*, *механика*; *металл*, *металист*, *металлург*, *металлургия* и *мн.др.* полностью перенесены в казахский язык.

Отсюда следует, что в ситуации длительных языковых контактов и формирования билингвизма национальные языки претерпевают изменения, таким образом, расширяется исследовательское поле частных языкознаний и отнюдь не только в области теории языковых контактов

и теории билингвизма, но и лексики, лексикографии, синхронии и диахронии.

Из вышеизложенного становится понятным, что постсоветским лингвистическим сообществом преодолеваются упрощенные, идеологические мифы и выстраивается своя система координат. Опыт языкового строительства, неравновесного функционирования языков, билингвизм, основанный на взаимодействии национальных языков с русским, подвергаются осмысле-

нию постсоветскими исследователями, и способствует выработке новых углов зрения, новой перспективы видения, формулированию и решению вместе языковых проблем важных для всех постсоветских социумов с учетом локальных историй и опытов. Важно задействовать опыты и практики, точки зрения и мнения как можно большего числа исследователей для того, чтобы выработать системный подход к осмыслению исследуемого объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аврорин В.А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка // К вопросу о предмете социолингвистики. – Л.: Наука, 1975. – С. 51.
2. **Алпатов В.М.** Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. - М., 2010.- 608 с. (при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-14019г). – С.1-6.
3. **Бахтикиреева У.М., Дианова Л.П.** Вопросы речевой культуры билингвов - студентов российских вузов // Вестник высшей школы Alma Mater. — № 2 (март).— 2011.— С.82-85.
4. **Баласаниян Л.Г.** К вопросу о системе углубленного и билингвального обучения русскому языку как средству формирования социокультурной компетенции на уроках русского языка, - Сб.ст. 2-го межд. конгресса, 1-3 октября 2009г., «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии» Фонд «Русский мир», Республика Казахстан, г.Астана.
5. **Баласаниян Л.Г., Барикян Г.Г.** Некоторые вопросы структуры урока русского языка как неродного через организацию билингвального обучения с использованием принципов Коллективного Способа Обучения (КСО), Издательство Национальный

исследовательский университет, Высшая школа экономики. - Москва, 2011 г. Издат.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики. - Москва, 2011 г.

6. **Горячева М.А.** Языковая ситуация в Российской Федерации в зеркале переписей 1989 и 2002 гг. // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. — М., 2010. — С.168-171.

7. **Григорян Э.А., Даниелян М.Г.** Русский язык в РА. Общественные функции, Российская академия наук. Научный совет по изучению и охране культурного и природного наследия Российской академии лингвистических наук. — Москва, 2006

8. **Гринберг С.А.** «Русско-белорусский билингвизм: проблемы и перспективы» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - № 11, 2010. — Челябинск: изд-во ЧГПУ, 2010. — С. 223 – 229.

9. **Дианова Л.П.** К вопросу о доминировании одного из языков в речевой культуре билинга // Международный аспирантский вестник Русский язык за рубежом. — 2010. — № 3-4. — С. 11-14.

10. **Дианова Л.П.** Актуальные вопросы межъязыкового взаимодействия // Вестник МГИМО — университета. — № 1(16). — 2011. — С. 260-264.

11. **Дуличенко А.Д.** Русский язык: покидая XX век... (некоторые размышления) /Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы II-го международного конгресса. — Астана, ИД «Сарыарка», 2009. — 720 с.;

12. **Дырхеева Г.А.** Язык и этническая самоидентификация бурят в России, Монголии и Китае // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. — М., 2010.— С. 192-195.

13. **Ерофеева Е.В.** Этническая идентичность коми-пермяков: социальные и языковые процессы // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения. ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. — М., 2010. — 608 с.— С. 196-197.

14. **Есаджян Б.М.** Некоторые особенности армянско-русского билингвизма и перспективы его развития, Сб. «Специфика формирования и функционирования армянско-русского билингвизма», Ереван, 1990

15. **Есаджян Б.М.** Концепция билингвального обучения и создание «поля» этно-психологического понимания, - М, «Мир психологии», №2, 1997

16. **Есаджян Б.М.** Лингводидактический аспект взаимозависимости между языком и культурой в концепции билингвального обучения, Тезисы доклада к 10-ому конгрессу МАПРЯЛ. Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык, литература и культура», Тула, 2002
17. **Есаджян Б.М.** К проблеме определения понятий «билингвизм» и «билингвальное обучение». – М., «Мир русского слова», №4, 2003. – С.47-53.
18. **Есаджян Б.М.** Билингвальное обучение как фактор формирования поликультурной личности (к системе углубленного обучения русскому языку), 10-ый конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в мировой культуре», Санкт-Петербург, 2003.
19. **Есаджян Б.М., Баласян Л.Г.** Особенности структуры урока в системе билингвального обучения с использованием принципов Коллективного Способа Обучения (КСО), Сб. статей 1-ой межд. научно-методической конференция, г.Москва, РУДН, 2008.
20. **Кремер Е.Н.** Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): Автореф. ...канд. филол.наук: – М., 2009. – 21 с.
21. **Сулейменова Э.Д.** Социолингвистические переменные языкового сдвига и поворота языкового сдвига // «ЯЗЫК – ОБЩЕСТВО – ВРЕМЯ». Сборник материалов XIII Международной научно-теоретической конференции «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ 20-21 мая 2010 года. – Алматы: Казак университеті, 2010. – Т.1. – 325 с. – С.14
22. **Сулейменова Э.Д.** Языковые процессы и политика: монография. – Алматы: Казак университеті, 2011. – 117 с.
23. **Хугаев И.С.** Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление: Автореф. ... докт. филол.наук: Владикавказ, 2010. – 51 с.
24. **Шапошников А.К.** Академик О.Н. Трубачев о роли русского языка в СССР и СНГ // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы II международн. Конгресса. – Астана, ИД «Сарыарка», 2009. –720 с. — С.157-168.